

Закончив в полдень продавать малатан, Шэнь Юй поехал домой на своём маленьком трёхколёсном велосипеде.

После обеда им предстояла поездка в центр города: нужно было погасить долг в больнице и закупить для Шэнь Цяо предметы первой необходимости, а везти всё это в автобусе было бы неудобно.

На обед был рис с овощами, приготовленный почти так же, как картофельный рис, который он ел у семьи Сяо. Сначала юноша сварил большую кастрюлю белого риса, добавив побольше воды. Когда рис был почти готов, он вынул его шумовкой, а в кастрюле остался густой ароматный рисовый отвар.

Отвар он перелил в отдельную посуду, а на раскалённой сковороде со свиным жиром быстро обжарил до полуготовности мелко нарезанную редьку с щепоткой соли. Затем парень высыпал рис обратно в кастрюлю, сверху выложил ломтики колбасы и, убавив огонь до минимума, оставил томиться, пока рис полностью не приготовился, впитав в себя весь жир.

Открыв крышку, он перемешал всё лопаткой, чтобы кубики редьки, ломтики колбасы и рис равномерно распределились. Редька, обжаренная на дне кастрюли, приобрела лёгкий золотисто-коричневый оттенок, но благодаря обилию влаги не покрылась корочкой, как картофель, и осталась сочной и нежной. Насытившись ароматом свиного жира, она по вкусу напоминала мясо, но без его жирности — только мягкость и тонкая сладость. Ломтики колбасы добавляли блюду более плотной и настоящей мясной ноты. Рис лишь слегка впитал в себя солёный аромат гарнира и как основное блюдо не казался пересоленным, но и сам по себе был очень вкусным.

Ладно, Шэнь Юй признавал: он просто не хотел возиться с готовкой и ради удобства сделал рис с редькой и колбасой.

Но Шэнь Цяо, очевидно, было всё равно, есть ли другие блюда. Главное, чтобы было вкусно.

Из всей огромной кастрюли риса Шэнь Юй съел всего две миски. Остальное доел его сожитель. После еды можно было ещё выпить миску рисового отвара для полноты ощущений. В отвар он добавил немного сахара, и тот получился сладковатым, нежным и шелковистым — ничуть не хуже любого напитка, да ещё и питательный.

Сытые и довольные, они занялись делами. Шэнь Цяо по собственной инициативе пошёл мыть посуду. Подросток был весьма доволен. Ему нравились такие сознательные люди — это придавало ему стимул готовить.

Пока сожитель мыл посуду, Шэнь Юй тоже не сидел без дела. Он писал благодарственные письма. Нужно было как-то отблагодарить тех добрых прохожих, что помогли ему. Просто

дарить подарки было неловко — не все могли их принять. К тому же, людей было много, и если одни примут подарок, а другие нет, то те, кто принял, могут почувствовать себя неловко, будто они ждали награды. Он хотел выразить признательность, а не создавать людям проблемы.

И тогда парень вспомнил об одной особенности той эпохи — благодарственных письмах. Написать такое письмо, а ещё лучше — заказать шёлковый стяг. Если у человека есть место работы, отправить его на предприятие, если нет — в уличный комитет. Главное, чтобы соседи и коллеги узнали о добром деле. Это считалось очень почётным и престижным.

Сверившись со списком имён, который он раздобыл в полицейском участке, юноша написал по письму каждому. Когда он поедет в город, то закажет два стяга: половина из тех, кто ему помог, были рабочими с соседней типографии, а другая половина — жителями одной улицы, соседями.

Письма не должны были быть длинными, достаточно пары фраз, так что он справился быстро. Когда Шэнь Цяо, вымыв посуду и тщательно вытерев руки, вернулся, он уже закончил.

Днём дел было много, а темнело в это время года ещё не скоро. Собравшись, Шэнь Юй позвал спутника, и они отправились в путь.

Он сел за руль своего любимого трёхколёсного велосипеда, а Шэнь Цяо устроился сзади на маленькой табуретке. Его длинные ноги пришлось неудобно согнуть в кузове. Юноша, глядя на это, не мог сдержать улыбки. Заметив, как сожитель с тоской смотрит на водительское место, он усмехнулся:

— Тебе нельзя, у тебя же нога болит.

Шэнь Цяо опустил глаза. Повреждена была не нога, а его ментальное тело.

«Тогда, на поле боя, мои ментальные сенсоры были почти полностью разорваны мутировавшим звёздным зверем. Позже, пожертвовав своим кораблём и взорвав его, я совершил внезапную атаку на мехе и наконец уничтожил тварь.

Однако, ранив врага на тысячу, я и сам потерял восемьсот. Я тоже получил тяжёлые ранения и чуть не погиб вместе с ним. Прежде чем потерять сознание, я увидел внезапно нахлынувшую космическую бурю. А очнулся уже в этом отсталом, почти первобытном времени.

Судя по моим наблюдениям, технологии этого мира находятся на крайне примитивной стадии. Точнее, то, что они называют технологиями, в моих глазах выглядит настолько убого, что и описать невозможно. Но именно из-за этой примитивности я и оказался беспомощен.

Если провести не совсем точную аналогию, сейчас я подобен искусному хирургу, заброшенному в первобытный бронзовый век, которого заставили бы сначала самому

выплавить железо и сталь, а затем выковать из них скальпели и прочие инструменты. Это абсурд, но суть примерно такова, хоть и в другой области.

Каким бы гениальным я ни был, какими бы обширными знаниями ни обладал, они никак не связаны с этим миром. Хотя я когда-то был самым молодым научным сотрудником первого ранга в Первом военном научно-исследовательском институте Империи и руководил разработкой множества видов крупного военного оборудования, здесь я даже материалы не узнаю — настолько они простые, грубые и некачественные.

К тому же, сейчас я наполовину неграмотный, немой и хромой, живущий на иждивении у подобравшего меня добряка Шэнь Юя...»

Шэнь Цяо промолчал.

«...»

Внезапно на него нахлынула тоска. Он уныло посмотрел на затылок Шэнь Юя. Этот человек вызывал у него чувство тепла, он был особенным. Ему нравилось быть рядом с ним, нравилась их совместная жизнь. Это заставляло его чувствовать... счастье.

Выражение лица Шэнь Цяо оставалось пустым. Счастье? Какое странное слово.

«В моём времени, несмотря на невероятное развитие технологий, человечество постоянно сталкивалось с угрозами со стороны злобных космических рас, среди которых инсектоиды и звёздные звери были лишь малой частью. Бесконечные войны, постоянный призыв в армию — сражения никогда не прекращались.

Хотя я был научным сотрудником, я окончил военную академию. С четырнадцати лет, поступив в Имперскую военную академию, после третьего курса я каждый год проходил двухмесячную боевую практику. Всех студентов старше третьего курса отправляли на фронт, в контролируемые зоны боевых действий, где они сражались с инсектоидами.

Низшие инсектоиды обладали поразительной плодовитостью и прочной бронёй, но низким интеллектом, что делало их идеальными спарринг-партнёрами для курсантов. Но даже так, каждый год были те, кто не доживал до выпуска. Имперский закон прямо предусматривал допустимый процент смертности во время боевых учений.

От инсектоидов до расы Талата, пожирателей трупов, а затем до расы Гуци, тайно разжигавшей войны, чтобы питаться эманациями смерти... Я, учёный, превратился в безрассудного воина, готового на своём мехе броситься в бой со звёздным зверем».

Шэнь Цяо покачал головой. Тот опыт был тяжёлым, но незабываемым.

«Возможно, из-за огромного давления и борьбы за выживание уровень счастья населения в моём мире был очень низок, особенно в армии. Бесконечная война, которой не было видно конца, многих сводила с ума. После досрочного окончания академии я не отправился на передовую, а стал работать в исследовательском институте в тылу, но и там давление было немалым. Я уже и не помню, когда в последний раз перед тем заданием мне удавалось закрыть глаза и просто выспаться.

Хочу ли я вернуться? Как можно не хотеть? Несмотря на все трудности, это моя родина. У меня нет родных, но есть несколько друзей, множество сослуживцев. Мы редко общались, но на поле боя могли доверить друг другу жизнь.

Но... я не могу вернуться. Я сам занимался исследованиями и, хотя моя специализация — механика, я немного знаю и о теории времени и пространства. Необъяснимый пространственный скачок — уже редкое явление, не говоря уже о путешествии сквозь время в неизвестный мир. У меня не было никакой защиты, моё ментальное тело было тяжело ранено. То, что меня не разорвало на куски в пространственно-временной буре, а в целостности и сохранности доставило в безопасное место, — чудо из чудес.

Когда я только попал сюда, я не мог даже пошевелиться. К счастью, в отличие от здешних людей, мне не нужно есть три раза в день ничтожно малые порции. Моё тело способно накапливать энергию гораздо эффективнее. Я могу не есть десять дней или полмесяца и не умереть от голода, просто буду чувствовать себя не очень хорошо, и это немного скажется на боеспособности.

К тому же, моё ментальное тело всё ещё тяжело ранено и истощено, а регенерационной капсулы или восстанавливающих препаратов здесь нет. В моём нынешнем состоянии, если полагаться только на естественное восстановление, неизвестно, смогу ли я вообще вернуться в норму.

Но, к счастью, этот мир кажется очень мирным. Здесь нет таких войн, человечество ещё не вышло в космос и не покорило вселенную, а значит, и угроз меньше. Так что, восстановится моё ментальное тело или нет, уже не так важно. Кроме того, что мне придётся ещё некоторое время хромать и иногда страдать от головных болей, других проблем быть не должно».

Сегодня была отличная погода, редкое зимнее солнце светило особенно ласково. Шэнь Юй, пыхтя, крутил педали, а Шэнь Цяо, сидевший сзади, прищурившись, смотрел на него. Солнечные лучи окрашивали волосы юноши в тёплый золотистый цвет. Сожитель улыбнулся глазами и украдкой дотронулся до торчащего кончика его волос.

«Такие мягкие, приятные на ощупь. Если бы можно было запустить в них пальцы, было бы ещё лучше».

Но он не смел. Шэнь Юй рассердится. Когда он недоволен, он хмурит брови, поджимает губы, его щёки слегка надуваются, а прекрасные персиковые глаза, как он думает, очень грозно смотрят на него. На самом деле это совсем не страшно. Шэнь Цяо ни разу не испугался,

наоборот, ему ужасно хотелось ущипнуть его за мягкие щёки. Но в то же время он остро чувствовал, что если сделает это, Шэнь Юй разозрится ещё больше, поэтому ему оставалось лишь прятать эти мысли глубоко внутри.

Ему очень нравился этот парень. Той симпатией, когда от одного пребывания рядом становится радостно, а при взгляде на него сердце теплеет. В его мире из-за бесконечных войн никто не знал, что наступит раньше — завтрашний день или внезапная смерть, поэтому чувства выражали прямо и горячо. Живи сегодня, люби сегодня, радуйся сегодня. Он никогда никого не любил, но в этом чужом мире от одного мимолётного взгляда его сердце забилося как сумасшедшее.

«Я помню тот день, когда он бежал ко мне. Его глаза сияли так ярко, будто он не спасал кого-то, а гнался за светом».

Весь мир вокруг расплылся, и только эти прекрасные глаза навсегда отпечатались в его сознании.

Что-то необъяснимо тронуло Шэнь Цяо. Позже, случайно увидев, как те бродяги пытаются отомстить Шэнь Юю, он без колебаний бросился вперёд. Так их пути снова пересеклись. Он защищал юношу, не желая, чтобы тот пострадал, отчасти потому, что знал, что физически он сильнее, а отчасти потому, что Шэнь Юй пострадал из-за него. Если бы он не помог ему в тот день, эти люди не стали бы ему мстить.

Он думал, что Шэнь Юй спас его один раз, он спас Шэнь Юя — и они в расчёте. Но он не ожидал, что подросток из-за этого проявит инициативу, примет его, даже даст ему новое имя со своей фамилией и приведёт домой. Он заботился о нём, как о члене семьи, и, заметив его странности, ничего не сказал, молча приняв его таким, какой он есть.

Шэнь Цяо всё это видел, и чем дольше они были вместе, тем больше ему нравился этот живой, волнующий сердце юноша.

Непонятно почему, но ему казалось, что Шэнь Юй отличается от всех остальных. Возможно, это было из-за его собственной симпатии, и поэтому в его глазах парень казался особенным. Но у него было стойкое ощущение, что они с Шэнь Юем похожи. Оба одиноки, оба чужие в этом мире. Но в Шэнь Юе была какая-то тёплая сила, которая притягивала к нему людей. Он многим улыбался — широко, радостно, сдержанно, одними губами.

Но больше всего Шэнь Цяо нравилось, как под тусклым светом лампы, пока он мыл посуду, Шэнь Юй, поджав губы, улыбался — хитро и самодовольно.

«Этот негодник не любит мыть посуду».

Шэнь Цяо тоже не особо любил. Повторяющийся, бессмысленный труд. Но ради этой улыбки юноши мытьё посуды уже не казалось таким уж неприятным делом.

«В крайнем случае... в крайнем случае, я потом подучу науку этого времени и сделаю для Шэнь Юя машину, которая сама будет мыть посуду».

Наслаждаясь солнцем и от нечего делать, Шэнь Цяо открыл маленькую сумку, которую юноша снова наполнил, и начал щёлкать семечки. Он заметил, что Шэнь Юй любит орехи и семечки, но не по одному, а целой горстью, чтобы съесть всё сразу. Когда он ел с удовольствием, его красивые глаза изгибались полумесяцами.

Шэнь Цяо сделал из бумаги кулёк и складывал туда очищенные семечки. Когда Шэнь Юй остановился, у него уже набрался целый пакет. Он протянул его парню, и тот очень обрадовался. Отсыпав себе половину, он съел её одним махом, а остальное отдал сожителю.

— Вкусно, ты тоже ешь.

«Столько нащёлкал, устал, наверное, наш маленький Шэнь Цяо. Взрослые не должны отбирать у детей все плоды их труда. Максимум половину!»

Шэнь Цяо, конечно, не знал, что его заботливый жест был истолкован Шэнь Юем совсем иначе. Он с радостью принял угощение и съел оставшуюся половину семечек. Действительно, очень вкусно. Разнообразная еда этого мира, хоть и содержала гораздо меньше энергии, чем питательные растворы, по вкусу была несравненно лучше. В его мире еда была средством выживания, поэтому её упрощали до предела — чем проще и калорийнее, тем лучше. А здесь люди, казалось, ели не только для того, чтобы жить, но и ради самого процесса еды. Очень интересно. Он решил, что в этом он сможет последовать местным обычаям.

Шэнь Юй и не подозревал, сколько мыслей пронеслось в голове спутника из-за горстки семечек. В его глазах Шэнь Цяо хоть и не был дураком, но и умом не блистал.

Сначала он поехал в больницу и оплатил медицинские счета. Шэнь Цяо видел, как он отдал пачку купюр. Он знал, что это — деньги этой страны. Недавно Шэнь Юй продавал такую вкусную, ароматную еду, и получил за это совсем немного. А сейчас он отдал так много!

Этот... как его... счёт за обследование? За то, что ему ногу проверяли? Абсолютно бесполезная, примитивная до ужаса процедура, ещё и с радиацией, и за это берут столько денег?

Шэнь Цяо горько пожалел, что тогда, понадеявшись на отсталые технологии, которые не смогут выявить его аномалии, легкомысленно согласился на обследование. Знал бы он, что это будет стоить столько денег, он бы ни за что не пошёл. Шэнь Юй так тяжело зарабатывает.

Мужчина почувствовал острую боль в сердце. Тот, кто до сих пор жил нахлебником, внезапно воспылал карьерными амбициями. Он должен в будущем тоже усердно зарабатывать деньги, а не сидеть на шее у подростка.

Оплатив счета, Шэнь Юй заехал в полицейский участок. Во-первых, узнать, как продвигается дело. Чем скорее этих мерзавцев посадят, тем спокойнее будет. Во-вторых, поблагодарить тех полицейских, что за него поручились, и сообщить, что счёт оплачен. В-третьих, уведомить их о своём намерении отправить благодарственные письма и стяги.

Придя туда, он встретил того самого пожилого полицейского. Фамилия его была Ли, и юноша звал его дядя Ли. Шэнь Юя тот, конечно, узнал — они виделись совсем недавно. А вот Шэнь Цяо его поразил.

— Это... Шэнь Цяо? — Парень оказался таким красивым?! С такими яркими чертами лица будет проще выяснить его прошлое.

— Он самый, — ответил Шэнь Юй, потянув дядю Ли в сторону и, прикрываясь от спутника, зашептал: — Мне кажется, его бросили не из-за того, что он немой и хромой.

Это была одна из версий, которую рассматривала полиция.

— Почему ты так думаешь? — спросил дядя Ли.

— Вы посмотрите на его лицо, — сказал юноша. — С такой внешностью, даже если он не говорит и хромает, девушки наверняка будут от него без ума, ещё и приплачивать станут.

Дядя Ли: «...»

Он протёр лицо. Как ни странно, в словах парня была логика.

— Значит, он не в себе и просто потерялся, — предположил дядя Ли.

Шэнь Юй покачал головой, не соглашаясь:

— Я думаю, он и не дурак вовсе. Он понимает, когда я с ним говорю, — просто ему не хватает знаний об обычных вещах.

Дядя Ли замер.

— Тогда спроси его о семье! Может, он сам что-то знает?

— Точно, можно же спросить, — спохватился юноша.

Шэнь Цяо не мог говорить подробно, но отвечать «да» или «нет» он мог.

— Так спроси, скорее спроси! — с нетерпением поторопил его дядя Ли.

Шэнь Юй на мгновение замялся. На душе стало как-то не по себе. Если он сейчас всё выяснит, значит ли это, что Шэнь Цяо уйдёт? Он уже приготовился жить с ним вместе, но... он не должен мешать ему воссоединиться с семьёй.

Стиснув зубы, парень подозвал сожителя.

— Ты знаешь что-нибудь о своей семье? Где твой дом, кто твои родные?

Шэнь Цяо кивнул, а затем покачал головой.

Дядя Ли был в полном замешательстве, но Шэнь Юй, уже набравшись опыта в общении с ним, уточнил:

— То есть, ты что-то знаешь, но не знаешь, где твой дом?

Шэнь Цяо кивнул.

«Прости, что не сказал всю правду. Если бы я сказал, что знаю, где мой дом, и потом научился бы говорить, что бы я ответил Шэнь Юю на вопрос об адресе?»

— А о семье своей знаешь? — снова спросил юноша.

Шэнь Цяо кивнул.

— Знаешь, где твои родные?

Тот снова кивнул и сам указал пальцем на небо. Он был сиротой, его родители умерли, когда он был совсем маленьким. Сказать, что они в звёздном небе, не было ошибкой.

Шэнь Юй и дядя Ли переглянулись. На небе? Значит... их больше нет?

Парню стало неловко спрашивать дальше, и он с сомнением посмотрел на полицейского. Дядя Ли тоже оказался в трудном положении. Неудобно получилось. Но как бы ни было неловко, спрашивать было нужно — это его работа.

— А другие родственники есть? — спросил он.

Шэнь Цяо не отреагировал, просто смотрел на Шэнь Юя.

Шэнь Юй: «...»

Поймав умоляющий взгляд дяди Ли, он вздохнул и повторил вопрос.

Шэнь Цяо послушно покачал головой. Разница в отношении была очевидна.

Дядя Ли вздохнул. Родители умерли, других родственников нет. Возможно, раньше о нём заботились родители, а после их внезапной смерти он оказался на улице и потерялся. В такой ситуации, даже если найти его прежний дом, отправлять его туда бессмысленно. Как он там будет жить один?

Подумав, дядя Ли отвёл юношу в сторону.

— Ты уверен, что хочешь жить с ним? Не на день или два, а долго, возможно, всю оставшуюся жизнь придётся о нём заботиться.

Шэнь Юй на мгновение замер, а затем без колебаний кивнул.

— Уверен.

Шэнь Цяо спас ему жизнь, они хорошо ладили. Если ему до конца жизни понадобится забота, парень был готов заботиться о нём, как о своей семье.

— Что ж, хорошо, — дядя Ли потёр виски и решительно сказал: — Я что-нибудь придумаю с его пропиской, оформлю ему документы.

— Большое вам спасибо, — искренне поблагодарил Шэнь Юй. Ему действительно повезло встретить такого доброго человека. Сделать прописку было сложно, и дядя Ли обещал это исключительно из желания им помочь.

Из-за ложной информации, предоставленной самим Шэнь Цяо, полицейский участок прекратил расследование его прошлого. Продолжать поиски было бесполезной тратой времени и сил.

Выйдя из участка, юноша первым делом отправился заказывать стяги. К его удивлению, мастерская находилась недалеко от полицейского участка. Видимо, многие, благополучно выйдя оттуда, хотели заказать благодарственные стяги.

Шэнь Юй выбрал надпись, и оказалось, что у них есть даже услуга доставки. Они могли помочь связаться с нужными людьми и вручить стяг под бой барабанов и гонгов, правда, за дополнительную плату.

Он усмехнулся. Для него самого это было бы слишком стыдно, но в те времена такое шествие, должно быть, считалось очень почётным. Чтобы выразить свою благодарность, парень раскошелился на полный комплект услуг. Ещё одна пачка денег ушла.

Шэнь Цяо с болью в сердце смотрел на это. Неужели юноша сегодня так много заработал? И тут же всё потратил.

Но скоро ему стало не до сердечных болей.

Поход в кондитерскую за подарочными наборами пирожных — трата денег.

Потом в парикмахерскую, отдать пирожные в качестве благодарности старому парикмахеру и заодно поправить ужасную стрижку спутника — трата денег. Старик отказывался брать, но Шэнь Юй не мог позволить себе такую наглость, поэтому просто оставил деньги и утащил Шэнь Цяо.

Затем в универмаг за вещами для сожителя — трата, трата, трата.

Раз уж тот будет жить с ним постоянно, спать на той старой дощатой кровати не годится. У Шэнь Юя были деньги, чтобы заказать ему новую кровать на мебельной фабрике, но лучшая фабрика в городе принадлежала дедушке Сяо, а туда он идти не хотел.

Поразмыслив, он отправился на барахолку. Иногда там можно было найти старые кровати с резными спинками из хорошего дерева, которые были прочнее новых.

На рынке действительно были кровати, но ничего подходящего юноша не нашёл. Всё, что было, имело какие-то дефекты, и покупать сейчас, чтобы потом менять, не хотелось. Шэнь Юй сунул пачку сигарет одному из зрителей, и тот пообещал придержать для него хорошую кровать, если появится.

Покупка сигарет — трата денег.

Раз уж пришли, то кроме кровати не хватало и другой мебели. Парень выбрал симпатичный стул и пару безделушек для интерьера. Снова траты, траты. Если бы не ограниченные возможности их транспорта, он бы купил ещё больше.

Когда они уже собирались уезжать, Шэнь Юй увидел продавца печёного батата и тут же вспомнил о том, что потерял в вечер ограбления. Сердце сжалось от боли. Он ведь специально выбрал два самых лучших: кругленьких, красивых, идеально пропечённых — снаружи с корочкой, внутри нежные, с вытекающим сладким соком. Жаль, из-за тех подонков они где-то потерялись. Какая жалость.

— Куплю-ка пару штук, — пробормотал Шэнь Юй, останавливая велосипед.

Его спутник, обладавший сверхчеловеческим зрением, отчётливо видел, как Шэнь Юй из своего ещё недавно пухлого кошелька достал последние несколько купюр и протянул одну продавцу.

Шэнь Цяо замер.

«...»

Если он не начнёт зарабатывать, так жить дальше нельзя.

<http://bllate.org/book/15805/1439111>